

Сравнительный анализ принципов членения иберо-романского и балкано-романского ареала

Б.П. Нарумов

Романский языковой мир отличается чрезвычайным разнообразием языковых состояний и ситуаций даже в пределах Европы. В результате грандиозного социолингвистического эксперимента, поставленного самой историей, язык древнего Лациума претерпел в течение двух тысяч лет многообразные изменения во времени, пространстве и социуме, и в настоящее время мы имеем дело с сотнями языковых разновидностей (идиомов, лингвем), которые с большим трудом поддаются осмыслению в классификационных понятиях традиционной романистики. Важнейшими из них являются соотносительные понятия «языка» и «диалекта», которые имеют свою длительную историю и которые призваны каким-то образом редуцировать языковое разнообразие в научном, идеологическом и практическом плане, сделать его обозримым и легко манипулируемым.

Для сравнительно-исторического романского языкознания наиболее важным аспектом соотношения языка и диалекта является диахронический аспект, аспект генетических связей между идиомами. Противопоставление языка и диалекта в этом плане возникло при самом заимствовании термина «диалект» из греческого, которое произошло в середине XVI в., в сочинениях итальянских гуманистов. Как указывает итальянский исследователь М. Алинеи¹, у греков термин «диалект» не заключал в себе никакой иерархической коннотации, обозначая разновидности речи, не прикрепленные к тем или иным социальным стратам. Итальянским же гуманистам он понадобился для того, чтобы провести

Нарумов Борис Петрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник института языкознания РАН.

социолингвистическую дихотомию внутри флорентийской языковой общности, отделив высокий язык от разговорного. Свой родной *volgare* они назвали языком, а остальные социальные и пространственные варианты были низведены до ранга диалектов; между языком и диалектом установились иерархические отношения в социолингвистическом аспекте. Вместе с тем итальянские гуманисты вложили в термин «диалект» и временной смысл, поскольку стали рассматривать диалекты как результат дробления некоего общего языка, как нечто, следующее за ним во времени. Тем самым они заложили основы парадоксального понимания романских языков как диалектов латыни. В этом случае диалект понимается одновременно как временной и пространственный вариант языка.

Таким образом, с самого начала определились два основных аспекта соотношения языка и диалекта: временной, генетический аспект и аспект функциональный, то есть взаимоотношение между высшей формой речи — литературным, стандартным, нормированным языком и низшей формой — устной и ненормированной. В любом случае отношение между диалектом и языком мыслится как «генетивное» отношение, отношение родительного падежа, принадлежности: диалект должен принадлежать тому или иному языку.

В генетическом плане все романские идиомы, независимо от их современного статуса, объявляются диалектами латыни как их общего языка-основы. В синхронном плане отношения между языком и диалектом могут мыслиться двояким образом. Если под языком имеется в виду литературный (стандартный) язык, то все идиомы того ареала, на который распространяется действие литературной нормы, считаются диалектами этого языка, если они, разумеется, находятся с ним в генетическом родстве. В пример можно привести леоно-астурийский, наварро-арагонский или андалузский, которые, по крайней мере в недавнем прошлом, одинаково мыслились как диалекты испанского языка.

В данном случае речь идет о функциональном подчинении диалекта языку. Однако язык может мыслиться и как чисто классификационная категория, как некая совокупность идиомов, объединяемых в один язык на основе тех или иных признаков их внутренней структуры. В таком случае между языком и диалектом устанавливается синекдохическое отношение, диалект оказывается как бы частью языка. Примерами таких языков являются сардинский или франко-провансальский; в соответствующих ареалах отсутствует единая литературная норма, и в романском языкознании они были выделены в отдельные языки-типы именно на основе внутривидовых критериев. Такими языками были и ретороманский Швейцарии и ладинский Южного Тироля, пока для этих ареалов не был разработан единый языковой стандарт.

Осмысление диалектов как результата фрагментации мертвого общего языка получило широкое распространение в XIX в., в период господства «механической генеалогической классификации», по выражению М. Алинеи². Во временном плане диалекты предстали как нечто промежуточное: они следуют за древним общим языком, но предшествуют формированию общих национальных языков. Особенно эта точка зрения характерна для иберо-романского и румынского языкознания, поэтому соответствующие подгруппы языков и диалектов интересно было бы проанализировать в сравнительном аспекте, тем более что подобного рода сравнительные исследования в романистике практически отсутствуют.

Хотя, как указывает известный лейпцигский романист и румынист К. Бохман, историческая производность — не аргумент в пользу признания некоторого идиома диалектом³, тем не менее в иберо-романском языкознании мы можем встретить следующие определения диалекта: диалект есть «система знаков, отделившаяся от общего языка, живого или исчезнувшего»⁴; «По отношению к латыни все языковые фрагменты, на которые распался этот язык, являются

диалектами в техническом смысле слова — историческими диалектами»⁵.

Для Испании и Иберийского полуострова в целом осмысление диалекта как хронологического варианта некоего общего языка не случайно и обусловлено политической и языковой историей этого ареала, которая в некотором принципиальном отношении имеет сходство с историей балкано-романского ареала. Это принципиальное (но не фактическое) сходство заключается в следующем. В романском языкознании чрезвычайно распространена идея временного континуума, идея *непрерывности* языковой эволюции от античности до наших дней. Однако понятие непрерывного развития не следует путать с понятием *линейного* развития, когда некий пространственный вариант латыни, сформировавшийся в древности, спокойно продолжал развиваться в данной местности и дожил до наших дней в виде некоего романского идиома. Эта ситуация характерна скорее для Франции и Италии, чем для Испании и Румынии. Языковое развитие в двух последних странах может считаться непрерывным, но ни в коем случае не линейным, ибо современные иберо- и балкано-романские идиомы не являются непосредственным продолжением развития латыни *in situ*. В обеих странах имели место сложные этнолингвистические процессы, сопровождавшиеся перераспределением в пространстве отдельных идиомов, наложением их друг на друга, в результате чего современное членение соответствующих языковых ареалов не отражает диалектное членение народной латыни — иберийской и балканской, соответственно.

В отличие от Балкан, языковая история Иберийского полуострова более или менее известна в деталях. Иберо-романисты исходят из предположения о существовании на Иберийском полуострове в VI–VII вв. (в период вестготской Испании) диалектного континуума, то есть диалектного ареала без четких границ. Однако, как известно, с начала VIII в. языковая ситуация была осложнена арабским завое-

ванием, а затем обратным отвоеванием (Реконкистой). Поэтому испанские диалектологи, а также Э. Косериу⁶, выделяют несколько типов диалектов в генетическом плане. На севере Испании сложились леоно-астурийский, наварро-арагонский и кастильский диалекты; в южной части, находившейся под владычеством арабов, сохранялись различные говоры, объединяемые в понятие «мосарабский диалект». Все эти диалекты, являющиеся более или менее непосредственным продолжением развития иберийской латыни *in situ*, получили наименование *первичных*, или стационарных, конститутивных диалектов. *Вторичными*, или колониальными, консекутивными диалектами называются диалекты, ведущие свое происхождение от кастильского диалекта, который в процессе Реконкисты распространялся с севера на юг, полагаясь на мосарабские говоры, составившие языковой субстрат вторичных диалектов. Подобным же образом в генетическом плане валенсийский является вторичным диалектом каталанского, португальские диалекты — вторичными диалектами галисийского, ибо и каталанский, и галисийский также в процессе Реконкисты распространились на юг и, наложившись на мосарабский субстрат, породили языковые системы, частично отличные от исходных. Наконец, выделяются и *третичные* диалекты, порождение недавнего времени, ибо таковыми называются региональные варианты стандартного испанского языка, возникающие в процессе его взаимодействия с остатками диалектов. По отношению к ним применение термина «диалект» нецелесообразно, так как в данном случае мы имеем дело с языковыми образованиями качественно иного типа, именуемыми чаще всего региональными вариантами литературного языка.

Описанная схема достаточно традиционна, но не является общепринятой. Если основываться не на генетическом критерии, а на критерии функционального подчинения, тогда все первоначальные идиомы Иберийского полуострова, образовавшиеся в результате дифференциации латыни, предстанут как полноценные языковые системы, подлинные

языки с чисто структурной точки зрения, и только впоследствии, после формирования на базе кастильского общеиспанского литературного языка, они низводятся до уровня диалектов последнего, причем первичные диалекты (леоно-астурийский, арагоно-наваррский) на базе которых не удалось разработать полноценные литературные языки, превращаются, если следовать терминологии Х. Монтеса Хиральдо⁷, в *гетерогенные* диалекты кастильского/испанского, противопоставляемые гомогенным диалектам юга Испании, которые являются продолжением кастильского, то есть вторичных диалектов.

Схема Х. Монтеса Хиральдо была положительно воспринята хорватским романистом Ж. Муляичем, разработавшим собственную «релятивистскую теорию», согласно которой романские диалекты существуют не до общего/литературного языка, а после него; иначе говоря, первоначально имеются только языки как самодостаточные и отличные друг от друга системы (т.е. то, что традиционно именуется средневековыми диалектами), но когда один из них становится языком высшего ранга в социолингвистическом смысле, то все остальные языки, бытующие на территории, покрываемой высшим языком, низводятся на уровень диалектов, независимо от генетических связей между ними и высшими языками⁸. Так, леоно-астурийский и арагоно-наваррский, производные от латыни, а не от кастильского, стали такими же его диалектами, как и производные от кастильского андалузский или мурсийский. Более того, в результате длительного сосуществования с кастильским они утратили многие самобытные черты и стали отличаться от них меньше, чем вторичные диалекты, диалекты юга Испании, которые вместе с производными от него американскими диалектами объединяются в южный, или атлантический, наддиалект. Как пример можно привести и ситуацию с галисийским. Уже было сказано, это первичный, стационарный диалект, если рассматривать его в отношении к латыни, в генетическом плане; он является непосредственным продол-

жением латыни галайков и может называться с полным правом языком не только с внутрилингвистической точки зрения, но и с функциональной, тем более, что до XVI в. существовала и письменная традиция на галисийском, первоначально независимая от кастильской. Производными от галисийского являются португальские диалекты, на основе которых возникла своя письменная традиция, особый литературный язык, который никогда не использовался в Галисии. Поскольку с XVI по XIX вв. галисийский не имел стандартизированной формы, то его стали именовать диалектом, но вопреки генетическим отношениям чаще всего его объявляли (ко)диалектом португальского языка, реже диалектом испанского языка, но последнее верно только с функциональной точки зрения, если считать галисийский гетерогенным диалектом испанского языка в духе идей Х. Монтеса Хиральдо. Однако поскольку в настоящее время галисийский имеет свою собственную литературную норму и официальный статус в пределах автономной области Галисия, говорить о нем как о диалекте того или иного языка стало невозможно.

Обратимся теперь к балкано-романскому ареалу. Сразу следует отметить, что общее членение этого ареала в терминах «язык/диалект» оказалось в сильнейшей степени связанным с идеологией румынского национализма, согласно которой в Восточной Романии существует только один романский народ — румыны и один единый романский язык — румынский⁹. Для обоснования этой идеи традиционный генетико-классификационный подход романского языкознания оказался как нельзя кстати. В отличие от иберо-романской подгруппы социоллингвистическая история балкано-романских идиомов восстанавливается с большим трудом из-за крайней скудости документальных свидетельств: неясны время и характер романизации областей к северу и к югу от Дуная, степень диалектной дифференциации балканской латыни в римскую эпоху и детали ее эволюции в Средние века, связанные с постоянными перемещениями романоязыч-

ного населения, в результате которых мы имеем, с одной стороны, компактный дакорумынский ареал к северу от Дуная и разрозненные ареалы к югу от него: арумынский, мегленорумынский и истрорумынский. Можно предполагать, что этнолингвистические процессы, имевшие место в Средние века, постоянные передвижения населения обусловили большое сходство северо- и южнодунайских идиомов между собой, что и дает основание румынским лингвистам говорить о едином румынском языке как совокупности ряда диалектов. Таким образом, румынский язык предстает прежде всего как классификационное понятие, как язык-тип, включающий в себя ряд разновидностей, и в этом отношении он сходен с такими языками, как сардинский, ладинский или франко-провансальский.

Балкано-романская ситуация сходна с иберо-романской в том отношении, что часть балкано-романских идиомов не являются непосредственным продолжением латыни *in situ*; к тому же большая часть территории Мунтении, Олтении, Добруджи, Молдовы и Бессарабии относится современными романистами не к Старой, а к Новой Романии, поскольку эти территории не входили в состав Римской Империи, а были колонизованы романоязычным населением в Средние века¹⁰. В силу сложности этнолингвистических процессов выделение первичных и вторичных диалектов крайне затруднено, и румынские лингвисты не проводят их различия в подобных терминах. Зато они, как и иберо-романисты, постулируют существование языкового континуума, временные рамки которого определяются по-разному в зависимости от исследователя; он получает в разных школах разные наименования (*străromână* — «пярумынский», *română primitivă comună* — «первоначальный общерумынский»); по-русски это гипотетическое состояние именуют *общерумынским*. Социоллингвистическая реальность общерумынского весьма сомнительна; скорее это некий реконструируемый средствами сравнительно-исторического языкознания праязык, который, однако, в рабо-

тах румынских ученых наделяется чертами реального языка, существовавшего в течение многих веков¹¹. Существуют различные гипотезы о времени и месте отпочкования от общерумынского трех южнодунайских идиомов, разделения общерумынского на дакорумынский, мегленорумынский и истрорумынский, однако главное заключается в том, что все эти идиомы, в соответствии с генетико-структурным критерием, объявляются диалектами, пространственно-временными вариантами общерумынского. Генетические отношения прошлого переносятся и на современную ситуацию: преемником общерумынского является современный единый в структурном плане румынский язык, представленный четырьмя названными диалектами. Поскольку дако-румынский бытует в Румынии также в виде ряда пространственных вариантов, последние получают наименование *поддиалектов* или *говоров* в зависимости от лингвистической школы.

В середине 50-х гг. А. Траур и вслед за ним И. Котяну дали толчок дискуссии о статусе южнодунайских идиомов, избрав в качестве ведущего критерия не генетико-структурный, а, по существу, социолингвистический критерий подчиненности диалекта языку. Поскольку южнодунайские идиомы не подчинены функционально румынскому литературному языку, развившемуся на базе дако-румынского диалекта, то их нельзя считать диалектами румынского языка, это отдельные самостоятельные языки, мыслимые как совокупности диалектов/говоров, не имеющие собственной литературной нормы. Однако большинство румынских ученых строго придерживаются генетико-структурного принципа. Южнодунайские идиомы отделены пространственно от дако-румынского ареала, не входят в одну социолингвистическую ситуацию с румынским языком, и в этом отношении их можно сравнить с еврейско-испанскими идиомами, отделившимися от пиренейского испанского в 1492 году. Желая в любом случае сохранить единство румынского языка, румынские лингвисты стали различать *конвер-*

гентные/типичные диалекты, к коим относится дакорумынский, и *атипичные/дивергентные* диалекты, к которым они отнесли южнодунайские идиомы¹². Выделение этих двух типов диалектов производится уже на основе не генетико-структурного, а функционального критерия. К типичным диалектам относятся диалекты на территории Румынии, которые находятся в ситуации функционального подчинения румынскому литературному языку и неизбежно конвергируют с ним, постепенно утрачивая свои наиболее яркие характеристики; поэтому они получили также наименование конвергентных. Южнодунайские диалекты относятся к нетипичным, ибо они развиваются независимо от румынского литературного языка, поэтому они называются также дивергентными; однако они, функционируя в ситуациях дву- и многоязычия, конвергируют с нероманскими языками (славянскими, албанским, греческим) и в некоторых случаях постепенно утрачивают свой романский характер, находясь на грани исчезновения (типичным примером является истрорумынский). Ср. характеристику южнодунайских идиомов, данную Б. Казаку: «Романские идиомы, на которых говорят к югу от Дуная, являются примером “диалектов дивергентного типа”; по причине сложной совокупности обстоятельств они не сумели стать независимыми языками, способными отвечать на интеллектуальные запросы современной жизни; напротив, они находятся на грани исчезновения под давлением окружающих языков»¹³. В целом можно сказать, что членение иберо-романского ареала на языки, диалекты и различные типы диалектов оказывается более четким, чем членение балкано-романского ареала, которое до сих пор остается дискуссионным. Что касается критериев различения языка и диалекта, то наблюдается постепенный переход от генетических и структурных критериев к социолингвистическим и психолингвистическим (языковое сознание), но этот переход опять же более четко выражен в иберо-романском языкознании.

¹ *Alinei M.* Lingua e dialetti. Struttura, storia e geografia. Bologna, 1984. P. 170 и след.

² *Alinei M.* Origini delle lingue d'Europa. I. La Teoria della Continuità. Bologna, 1996. P. 80.

³ *Bochmann K.* Zum theoretischen Status und ideologischen Wert des Variationsbegriffes in der Romanistik // Linguistische Arbeitsberichte. Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft. Leipzig, 1985. Bd. 51. S. 7.

⁴ *Alvar M.* Hacia los conceptos de lengua, dialecto y habla // Nueva revista de filología española. 1961. № 1–2. P. 57.

⁵ *Mondéjar J.* La clasificación de las lenguas romances / Lexikon der Romanistischen Linguistik. Tübingen, 1988. Bd. VII. S. 973.

⁶ Прежде всего в работе: *Coseriu E.* Los conceptos de «dialecto», «nivel» y «estilo de lengua» y el sentido propio de la dialectología // Lingüística española actual. 1981. № 1.

⁷ *Montes Giraldo J.* Dialectología general e hispanoamericana. Bogotá, 1987.

⁸ *Muljačić Ž.* Per un approccio relativistico al rapporto: lingua nazionale — dialetti / Fra dialetto e lingua nazionale: realtà e prospettive. Padova, 1991.

⁹ *Ivănescu G.* Istoria limbii române. Iași, 1980. P. 45; *Caragiu Marioțeanu M.* Unité du roumain (nord- et sud-danubien) // Revue roumaine de linguistique. 1985. T. 30. № 6. P. 525.

¹⁰ La Românită Balcanica // Actes du XVIII Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes. Tübingen, 1992. T. 1.

¹¹ *Сухачев Н.Л.* Латинская речь на Балканах / Основы балканского языкознания. Ч. 1. Языки балканского региона. Л., 1990. С. 127–128.

¹² *Gheșie I.* Cu privire la repartiția graiurilor dacoromîne // Studii și cercetări lingvistice. 1964. Anul 15. № 3.

¹³ *Cazacu B.* Autours d'une controverse linguistique: langue ou dialecte / Recueil d'études romanes. Bucarest, 1959. P. 29.